

ЯЗЫК. СЕМИОТИКА. КУЛЬТУРА

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ

РУССКАЯ ДУХОВНАЯ МУЗЫКА
В ДОКУМЕНТАХ И МАТЕРИАЛАХ

Том VII

В двух книгах

АФОНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ
ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ
ДРЕВНЕЙ ПИСЬМЕННОСТИ
1906

ДНЕВНИК С. В. СМОЛЕНСКОГО
ПИСЬМА. МАТЕРИАЛЫ
АФОНСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

КНИГА 1

ПОЕЗДКА НА АФОН В 1906 ГОДУ

СТЕПАН СМОЛЕНСКИЙ
ДНЕВНИК ЭКСПЕДИЦИИ
ПИСЬМА. МАТЕРИАЛЫ

Подготовка текстов, вступительные статьи, комментарии
М. П. Рахманова, Е. А. Борисовец

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
МОСКВА 2012

УДК 78.03(470-571)
ББК 85.318
Р 89

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) проект 11-04-16043

Р 89 Русская духовная музыка в документах и материалах. Т. VII. Афонская экспедиция Общества любителей древней письменности (1906). Кн. 1: Дневник С. В. Смоленского. Письма. Материалы / Гос. ин-т искусствоведения; Подгот. текстов, вступит. ст. и коммент. М. П. Рахмановой, Е. А. Борисовец. — М.: Языки славянских культур, 2012. — 800 с., ил. — (Вклейка после с. 496.) (Язык. Семиотика. Культура).

ISSN 1727-1630

ISBN 978-5-9551-0495-9

Афонская экспедиция Общества любителей древней письменности 1906 года — выдающийся научный проект эпохи, а в области церковно-певческого искусства — проект уникальный, не повторенный в течение следующего столетия. Экспедиция превосходно документирована: массой официальных бумаг, писем, отчетов, и подробным дневником руководителя, обширной личной перепиской и публикациями в периодической печати. Документирована экспедиция также огромным по объему фотоматериалом, среди которого малую часть составляют «бытовые» или «видовые» фотографии, сделанные во время поездки, а основную часть — копии с древнейших певческих рукописей из хранилищ Афонских монастырей, а также библиотек Вены и Софии. Долгое время эта, последняя и самая важная, итоговая, часть деятельности экспедиции считалась утраченной (или почти утраченной), но ныне копии найдены, собраны из разных архивов и описаны. Таким образом, открывается возможность полного представления этого научного проекта.

Настоящий том состоит из двух книг.

Первая книга — текстовая. В ней публикуются: Афонский дневник С. В. Смоленского, многочисленные письма, связанные с подготовкой и проведением экспедиции, а также обширные приложения, освещающие итоги экспедиции и осмысление ряда важных проблем (прежде всего — происхождения русского церковного пения) в отечественной науке. Как иллюстративный материал ко всему корпусу текстов даются: фотографии, помещенные Смоленским в рукопись Афонского дневника; факсимиле отдельных страниц из рукописи Дневника и других документов; фотографии упоминаемых в Дневнике лиц.

Вторая книга тома посвящена публикации снимков с афонских рукописей, сделанных с привезенных экспедицией и ныне отреставрированных стеклянных негативов. Поскольку публикация всей выявленной коллекции афонских снимков (1314 не повторяющихся по содержанию единиц, в том числе отпечатков на бумаге) технически невозможна, авторы тома, исходя из интересов ученых, приняли решение публиковать именно материалы, хранящиеся в виде стеклянных негативов. Для удобства работы к воспроизведениям негативов прилагаются инципитные указатели по каждой рукописи и по типам книг.

ISBN 978-5-9551-0495-9

ББК 85.318

© М. П. Рахманова, Е. А. Борисовец, подгот. текстов, вступит. ст. и коммент., 2012
© Языки славянских культур, оригинал-макет, 2012

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Содержание

Книга 1

Вступительный раздел

Афонская экспедиция (М. П. Рахманова)	9
Афонская коллекция (Е. А. Борисовец)	107
После Смоленского (М. П. Рахманова)	145
О структуре тома	183

С. В. Смоленский. Афонский дневник («Поездка на Афон в 1906 году»)	185
---	------------

Письма	389
Письма афонских иноков	497

Иллюстративное приложение

Приложения

Приложение 1. С. В. Смоленский. Из «дорожных впечатлений»	519
Приложение 2. Болгарский распев (С. В. Смоленский, А. Н. Николов)	547
Приложение 3. Хрестоматия (доклад С. В. Смоленского в ОЛДП)	569
Приложение 4. Кондакарное знамя (доклад С. В. Смоленского в ОЛДП)	581
Приложение 5. Отчеты в ОЛДП (С. В. Смоленский, А. В. Преображенский)	596
Приложение 6. Краткие практические указания (С. В. Смоленский)	629
Приложение 7. Отзыв С. В. Смоленского на книгу В. М. Металлова	636
Приложение 8. А. В. Преображенский. Работы разных лет	683
Приложение 9. Д. В. Аллеманов. Курс истории русского церковного пения (фрагменты)	738
Приложение 10. А. А. Дмитриевский. Русский самородок на Св. Афонской горе	763
Именной указатель	785

Книга 2. Афонская коллекция

Вступление	11
Ирина Шеховцова. Краткие пояснения к таблицам-инципитариям	
Ирмологиев	13
Лавра св. Афанасия. № В 32 Ирмологий	15
Лавра св. Афанасия. № Г 9 Ирмологий	73
Иверский Ирмологий № 470.	157
Есфигменский Ирмологий № 54	221
София Тутолмина. Краткие пояснения к таблицам-инципитариям	
Стихирарей и Триодей	255
Лавра св. Афанасия. № Г 12 Постная Триодь	257
Лавра св. Афанасия. № Г 67 Постный и Цветной Стихирарь и Октоих	277
Лавра св. Афанасия. № Г 72 Постный и Цветной Стихирарь	299
Лавра св. Афанасия. № Г 74 Стихирарь Годовой (Минейный)	345
Лавра св. Афанасия. № Д 28. Стихирарь Годовой 365 и Постная и Цветная Триоди.	367
Андреевский Стихирарь № 18.	411
Ватопедский Стихирарь Постный и Цветной и Октоих № 893.	435
«Смешанные» коробки	503

Вступительный раздел

Афонская экспедиция

Афонская экспедиция Общества любителей древней письменности 1906 года — выдающийся научный проект эпохи, а в области церковно-певческого искусства — проект уникальный, не повторенный в течение следующего столетия. Благодаря стараниям С. В. Смоленского как руководителя экспедиции и благодаря отлично работавшим «подсобным» службам ОЛДП Афонская поездка превосходно документирована — и массой официальных бумаг, писем, отчетов, и подробным дневником руководителя, и обширной личной перепиской, и публикациями в периодической печати. Документирована экспедиция также огромным по объему фотоматериалом, среди которого малую часть составляют «бытовые» или «видовые» фотографии, сделанные во время поездки, а основную часть — копии с древнейших певческих рукописей из хранилищ Афонских монастырей, а также библиотек Вены и Софии. Долгое время эта, последняя и самая важная, итоговая часть деятельности экспедиции считалась утраченной (или почти утраченной), но ныне копии найдены, собраны из разных архивов и описаны. Таким образом, открывается возможность полного представления этого научного проекта.

Предыстория. Цели и состав экспедиции

Идея экспедиции принадлежала С. В. Смоленскому и родилась у него задолго до 1906 года. В многочисленных письмах ученого к графу С. Д. Шереметеву как главе ОЛДП подробно раскрывается «предыстория вопроса»; переписка эта в полном объеме опубликована в первой книге VI тома серии «Русская духовная музыка в документах и материалах»; некоторые фрагменты читатель найдет и в одном из Приложений данного тома.

Степан Васильевич Смоленский был крупнейшим из русских ученых, занимавшихся церковно-певческим творчеством в период до 1917 года. Возглавляя в течение 12 лет Синодальный хор и Синодальное училище церковного пения в Москве, он собрал грандиозную библиотеку старинных певческих рукописей — это собрание (ныне в Государственном Историческом музее) до сих пор имеет первостепенное значение. Научные интересы Смоленского были весьма широки, но с молодости он особенно интересовался вопросами происхождения русского церковного пения

и его родственными связями с древним пением славянских православных народов, прежде всего сербов и болгар.

В Воспоминаниях Смоленский пишет, что впервые собрался к братьям-славянам во второй половине 1870-х, то есть во время русско-турецкой войны:

...Я просто исстрадался, читая описания происходящих ужасов... приходила мне несколько раз мысль... об отъезде к Черняеву добровольцем...¹

Как известно, генерал Михаил Черняев был главнокомандующим сербской армией и к нему устремлялась из России масса добровольцев, направлялось множество пожертвований. Именно в конце 1870-х тридцатилетний Смоленский, тогда педагог Казанской учительской инородческой семинарии, пережил глубокий духовный кризис, который определил все его будущее. Не уехав в Сербию, он нашел другой выход своему патриотизму: стал изучать русское церковное пение и вскоре занялся древней певческой палеографией.

В письмах к знаменитому русскому педагогу и публицисту Сергею Александровичу Рачинскому в 1887 Смоленский рассказывает о своем знакомстве с семиографией и напевами южных православных церквей, о своем желании обнаружить их первооснову. Можно предположить, кто являлся тут «информационным источником»: скорее всего, русский консул в Салониках Иван Степанович Ястребов, выпускник Казанской Духовной академии, который впоследствии поступил на дипломатическую службу, работал в Турции и Сербии. Очень одаренный лингвист, Ястребов регулярно посещал Казань и привозил новые издания для библиотек академии и университета.

Прошло пять лет, Смоленский уже перебрался к этому времени в Москву. Ранней осенью 1892 он, утомившись от преобразовательной деятельности в Синодальном училище и хоре, решил, говоря его собственными словами, «выветриться в Вену» под благовидным предлогом посещения музыкальной выставки. По докладу прокурора Московской Синодальной конторы А. Н. Шишкова Св. Синод предоставил субсидию в 400 рублей. 1 сентября 1892 Степан Васильевич писал С. А. Рачинскому, что эта субсидия превращает поездку в Вену

¹ Смоленский С. В. Воспоминания // Русская духовная музыка в документах и материалах (далее — РДМ). Т. IV. М., 2002. С. 210.

в путешествие с научной целью, давным-давно задуманное, лет 5 назад, по славянским монастырям Сербии, Болгарии, Македонии и по Румынии с Верхней Австрией.

Далее Смоленский говорит, что везде будет внимательно слушать церковные службы,

ибо ведь нужно же хоть как-нибудь уяснить сохранность у нас хотя доли того музыкального колорита, который столь уверенно и целиком называется у нас греческим, болгарским, сербским роспевами.

И продолжает:

Пока я наметил следующие пункты путешествия: Краков, Вена, остановка в Славонии, Белград, Ниш, Коссово Поле, Хиландар (может быть, Черногория и проезд в Салоники и Афон), пароходом из Белграда в Русук, затем Бухарест, Рымник, Яссы, Черновицы, Львов, Радзивиллов, Почаево, Киев и домой. Салоники меня привлекают возможностью проехать несколько сухим путем из Цетинья и попасть к моему задушевнейшему другу — нашему там генеральному консулу И. С. Ястребову, проехать по дороге, указанной знаменитым В. И. Григоровичем, и вернуться в Сербию с Юга².

Разумеется, маршрут, когда-то выполненный упомянутым в письме филологом Виктором Григоровичем (другом семьи Смоленского), был слишком пространен и сложен для не слишком длинной по времени поездки, и из последующих писем Смоленского к Рачинскому известно, что удалась только «четверть плана»:

...Я был удачно только в Вене на выставке и в Кроации [Хорватии], то есть главным образом в Загребе; менее удачно было мое путешествие в Буковине и Галиции, где во время моего пребывания стояла невозможная погода, дождливая, ветреная и очень холодная. Эта погода лишила меня возможности сделать путешествие по трем знаменитым монастырям Буковины, побывать в Белой Кринице, и я ограничился только пребыванием в Черновцах и в некоторых подгородных селах. В Сербию и Румынию совсем не ездил из-за карантин...³

² Письмо С. В. Смоленского к С. А. Рачинскому от 1 сентября 1892 // РНБ, ф. 631, т. 34, л. 66.

³ Письмо С. В. Смоленского к С. А. Рачинскому от 24 октября 1892 // Там же, л. 180.

Особенно сильное впечатление осталось у Смоленского от Загреба, где он завел множество знакомых по музыкальной части. По-видимому, из этой поездки Степан Васильевич вывез композиции, которые вошли в программу концерта Синодального хора 18 декабря 1892: в этот день в Москве под управлением регента Василия Орлова прозвучало целое концертное отделение под названием «Образцы церковного хорового пения юго-западных православных христиан». Исполнялся литургический цикл, собранный из номеров «Хорватской литургии» издания Франьо Кухача, из «Угорской литургии» Емельяна Талапковича, из «Румынской литургии» Гавриила Музыческу и, наконец, трех номеров из «Сербской обедни» Корнелия Станковича.

Но еще до осенней поездки, возможно готовясь к ней, Смоленский обратился с письмом к прославленному сербскому деятелю, большому другу России — архиепископу Белградскому и митрополиту Сербскому Михаилу (Йовановичу). Из сохранившегося ответного письма митрополита от 28 июня 1892 ясно, какова была просьба Смоленского:

Многоуважаемый Степан Васильевич!

Исполняю Ваше желание и посылаю Вам ноты Боляджича и Тайшановича: пять книг Октоиха — 1, 2, 3, 4 и 5 гласа и пять книг Литургии и других песнопений.

Если Вам понравится это, буду доволен, что Вам мог услужить.

Все эти 10 книг стоят 30 динаров или франков, а почта что будет стоить, еще не знаем.

Призываю Вам Божие благословение и остаюсь Вам Богомольцем

Митрополит Михаил⁴.

Пять лет спустя, в 1897-м, во время следующего своего заграничного путешествия, Смоленский из Вены «проехал через Пешт, Сербию, Болгарию в Константинополь»⁵. На эту поездку он тоже получил пособие от Синода для покупки книг и нот, а обер-прокурор К. П. Победоносцев лично дал ему рекомендации к митрополиту Сербскому Михаилу и митрополиту Болгарскому Клименту⁶. В сохранившемся письме к обер-

⁴ РДМ. Т. VI. Кн. 2. М., 2010. С. 685. Был прислан многочастный сборник двух сербских авторов — Гаврилы Болярича и Николы Тайшановича «Српско православно пјеније, по карловачком старом начину» (Сараево, 1887—1891).

⁵ Смоленский С. В. Воспоминания. С. 350.

⁶ Митрополит Климент Тырновский (Василий Друмев) — крупный болгарский писатель, церковный и государственный деятель, который, подобно

прокурору (неоконченный черновик) Смоленский подробно рассказывает о своих впечатлениях от Софии и Белграда, очень радостных по части соблюдения в церковной службе старинных традиций, по набожности народа и весьма противоречивых по части пения в столицах.

София, 12 августа 1897

Ваше Высокопревосходительство, Милостивый Государь
Константин Петрович!

Считаю долгом от всего сердца поблагодарить Вас за возможность побывать в Сербии и Болгарии. К сожалению, мое путешествие, в смысле возможности воспользоваться содействием Митрополитов Михаила Сербского и Климента Болгарского, кончилось вполне неудачно, так как Митрополит Михаил внезапно захворал и накануне моего приезда в Белград выехал на воды, а Митрополит Климент находится сейчас в Тырнове. Но довольно с меня и полученных впечатлений, сделанных наблюдений и покупок. Хотя я и надеялся воспользоваться своим путешествием гораздо шире, но очевидно надобно будет побывать здесь еще раз, не в летнее время и с гораздо большею подготовкою. Конечно, последнее относится к поездкам внутри старой Сербии и менее разоренных частей Болгарии, особенно же в сторону Северной Македонии. Надобно будет и подготовить здесь почву для приобретений, так как материалов бездна, выбирать самому нет ни времени, ни сил (даже и знаний); кроме того, к приобретателям вроде меня относятся совершенно недоверчиво и даже вполне несочувственно...

Очень интересны для меня сравнения храмов и обрядов, сделанные мною во множестве и в короткое время. Кроме времени в дороге, я не пропустил ни одной церковной службы в разных храмах от Вены (униатская церковь) до Софии. Сопоставляя виденное только что с воспоминаниями о моих наблюдениях от Загреба и Герцеговины, через Львов, до Черновцов и Белой Криницы, ныне дивлюсь стойкости обрядового православия во многом, прекрасным частностям в некоторых обрядах и утверждаюсь в мысли о вреде вводимого здесь, как и в Сербии, Славонии, Крайне, Угорщине и Буковине, нового хорового пения, повторяющего, по-видимому, все даже и подробности нашего и страдающего тою же бездарностью и отсутствием дисциплины, в смысле сдержанности, которые до сих пор господствуют в наших хорах и в местностях, удаленных от столиц. То, что я слышал здесь в хоровом исполнении, — возмутительно для церковной службы, но, к несчастью, здесь как будто бы считается за высшее художество, нуждающееся только в поощрении. Те же *sui generis* [в своем роде] Багрецовы и

митрополиту Михаилу Сербскому, получил образование в Киевской Духовной академии.

проч. написали здесь то, что считается «дуже красно», пользуется любовью и мало-помалу подтачивает, как у нас, древний напев, то есть «Византийско-церквенско-пјеније», скромно укрывшееся в будничные службы в столицах и еще господствующее в малых городах и селах. Конечно, этот напев не балует ухо, прескверно исполняется с его наводящим хандру «исоном»; конечно, носовое пение ужасно, но в нем есть дисциплина, легко ощутимая связь с родной стариной, уже много сделавшей услуг этим славянам. Связь эту передовые люди необдуманно рвут на куски.

Старое церковное пение так пало в Сербии, что ученики богословской школы, несмотря на всякое понуждение, «стыдятся» петь в своей Великой церкви. В Болгарии знают точно напев уже очень редкие старые дьячки, а молодые более импровизируют. В обеих их столицах никто из молодых не учится петь по старому надписанию, и искусство истового певца пропало за смертью стариков и под давлением руководящих хоров. В селах поют однако твердо, хотя и понаслышке. С превеликим трудом достал я в Софии крюковые болгарские издания, да и то не сполна. Нужда в этих книгах пропала в близоруких служителях алтаря, и новые издания не предвидятся.

Зато обрядовая сторона держится вполне твердо и некоторые подробности, очевидно очень древние, мне прямо понравились. Устройство здешних храмов, как и вообще у всех заграничных славян, отличается многими особенностями, вообще же храмы малы, бедны сравнительно с нашими, лишены нашего прелестного звона и нашей сановитости в службе. Встречается и бестолочь: в Белградском соборе над левым клиросом висит кафедра чуть не из костела, на которую даже нет входа; в Софийском соборе такая же кафедра у столба в левой середине собора, и с нее диакон читает Евангелие за литургией; звон в Белграде производится касающимися колоколами и оттого весьма несладок, а в Софии колоколья стоит на краю соборной площади, и звонарь этих первых колоколов из России совершенно не представляет собою художника — звонит очень коротко, вполне неритмично, безвкусно, вроде бывающих у нас дилетантских звонов на Пасхе.

Но есть и хорошее. Мне помнится, что я докладывал Вам о полном смысле выходе служащих на амвон перед словами «и молим Ти ся» для троекратного чтения «Господи, иже пресвятаго Твоего духа» и о пении всем народом этих слов, о земном поклоне всех Св. Дарам. Ныне я ни разу не видал этого герцеговинского обряда, удержавшегося в долине, недалеко от Загреба, сохранившей у себя даже глаголическую грамоту в книгах и, кажется, даже и в прессе. Зато мне очень понравилась «молитва о здравии» в Болгарии, состоящая, кроме молитвословия, в наложении на колени преклоненного епитрахили и благословения по ней. Эта молитва заменяет здесь нашу возможность ежедневно вынимать части, ибо здесь обедни

кроме суббот и праздников не служатся, а молитва может быть совершена после всякой службы. Так как здесь (Болгария и Сербия только) ежедневно только вечерни в 4 ч. дня и утрени в 6 ч. утра, то народ после каждой службы во множестве принимает эти молитвы.

Очень хорошо здесь также каждение, удержавшееся и в нашем старообрядчестве. В два приема перед *каждым* богомольцем, подающим руки, как у нас для получения благословения, кадящий описывает кадилом в воздухе крест. Кадило болгарское, весьма шумливое от бубенчиков в середине цепей, обильно ладаном. Хорошо и то, что диакон по окончании ектений на амвоне всегда кланяется народу; священники слушают Апостол (от диакона), стоя перед престолом в ряд и лицом к народу; один из священников, также стоя в ряду, читает Евангелие; во время Херувимской кадит старший священник, а не диаконы.

Мне случилось быть на трех похоронах, и здесь я удивился совершенной разнице между нашим погребением и здешним, точно будто бы все наше выпускается, а выпускаемое нами вычитывается и поется. В качестве особых подробностей упомяну о белом платке, украшающем все предметы в похоронном шествии, то есть крест, готовый для могилы, две рипиды, крест напрестольный с ними, кутью, несомую на голове впереди шествия с крестом, свечи у всех духовных и родных, у провожатых, покойного, держащего в руке также платок вместе с букетом цветов. Свечи (премаленькие) держатся, смотря по степени сочувствия покойному, по 1, 2, 3 и 4 зараз; в последнем случае держащий располагает их в руке как бы веером; покойному в Болгарии вставляют в руки зажженную свечу, 2 и 3. Но что здесь великолепно — это пение всех восьми несравненных по красоте тропарей Дамаскина, от «Кая житейская сладость» до «Плачу и рыдаю», и пение выразительных блаженн со всеми положенными здесь стихами. В Сербии на весьма богатых похоронах шесть священников стояли в ряд перед гробом и пели очень хорошо почти все, ибо хор пел только ектении, также очень хорошим напевом; в Софии духовенство, также на весьма богатых похоронах, стоит перед амвоном лицом к покойному. С покойным здесь не прощаются, а только целуют икону; в Сербии же кланяются закрытому гробу. Близкие родные весьма сдержанны, вообще все почти не крестятся, кроме уставных знамений.

Есть здесь и мало симпатичное. Кроме надоедливо-тоскливого носового исона, при пении и чтении вообще очень спешат, много говорят в церкви, слушают здесь певчих чуть не спиной к алтарю, крестятся в перчатках, не снимаемых во всю службу нарядными богомольцами, постоянно сидят на местах, часто украшенных надписью, что место такого-то, вообще очень плохо и мало молятся, хотя церкви полны народу в праздники и достаточно многолюдны в будни.

Вид Белграда в полнолуние с многоводного Дуная и славной Савы очень интересен, да и город с электрической дорожкой и освещением весьма благообразен. Крепость Белграда прямо величественна. Но потрясающее впечатление произвели на меня великолепные развалины древнейшего храма св. Софии в Болгарской столице. Мне говорили, что сюда ждут нашего г. Преображенского. Этот храм прямо несравнен после талантливого восстановления.

Приобретения мои для библиотеки Синодального училища пока незначительны количественно, хотя мне и удалось купить хорошие книги, несколько нот. Гораздо большую цену даю возможности иметь здесь хороших корреспондентов по певческой части, в числе которых обещался быть любезный г. Бахметьев. Оказывается, что г-н Фердинанд любит старину и усердно собирает ее, формируя народный музей и библиотеку. Вообще София производит отличное впечатление своею выправкою во всем, начиная от улиц и полиции с войском. На месте разрушенных 25 лет назад жалких улиц стоят ныне ряды отличных домов, готовых уже и во множестве строящихся. Но народ мало гостеприимен, вообще очень беден, решительно не может быть сравнен даже с галичанами и буковинцами, не говоря уже о западных славянах. Национальный костюм совсем утрачен и заменяется либо пиджаком или кофтой с высокими буфами на плечах, либо чем-то полутурецким; в Сербии еще того более. Невольно вспоминаю красивую одежду словинцев и герцеговинцев с босняками, даже и длинноволосых галичан, сохранивших у себя старую одежду, вроде подрясников. Залюбовался я здесь только одним человеком, известным истребителем турок в Черногории — Архимандритом Дучичем⁷. Этот монументальный колосс, уже 70-летний старец, посвятил себя родной археологии и теперь заканчивает печатание своих трудов. Он огромного роста, необычайно широк в плечах; фигура эта между шкафами с книгами, среди мирной науки, не вяжется с знаменитым ее прошлым и монашеством, но производит совершенно особенное впечатление. Живость и кротость его речи часто мешаются с вспышками одушевления; поднявшись в это время со стула, он обрисовывает свою могучую фигуру во весь рост, и тут он неизъяснимо прелестен.

Сербы и болгары соблюдают посты, среды и пятницы с удивительною строгостью...⁸

⁷ Никифор (Ништефор) Дучич — крупнейший сербский общественный деятель, писатель, историк, почетный член Петербургской Академии наук; во время восстания против турецкого гнета принимал активное участие в военных действиях.

⁸ РГИА, ф. 1119, оп. 1, № 95, л. 2—7. Черновик без окончания.

В письме упоминаются: Федор Алексеевич Багрецов — знаменитый некогда в Москве регент Чудовского хора и автор духовно-музыкальных сочинений, которые Смоленским рассматривались как образец безвкусицы в церковном пении;